

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Востоковед Павел Яковлевич Петров в его переписке с современниками*

А. М. Куликова

(Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург)

В 1994 г. исполнилось 180 лет со дня рождения талантливого востоковеда XIX века П. Я. Петрова. Публикации о нем ограничиваются некрологами¹, краткой статьей К. Г. Залемана в «Русском биографическом словаре»² и несколькими статьями, в которых отражены основные вехи его биографии³.

Предлагаемая работа основана на эпистолярных материалах, как хранящихся в архивах, так и опубликованных. Их исследование дало дополнительные сведения о событиях жизни ученого, позволило уточнить датировку и последовательность этих событий, а также расширить круг его знакомств.

Павел Яковлевич⁴ Петров (1814—1875) востоковедное образование получил в Московском университете (1828—1832), где обучался арабскому, персидскому и древнееврейскому языкам у Алексея Васильевича Болдырева (1780—1842).

После окончания университета он, не имея постоянного места работы и перебиваясь частными уроками и другими случайными заработками, продолжал — теперь уже самостоятельно — изучать восточные языки. В это нелегкое время П. Я. Петров сблизился с историком и журналистом Михаилом Петровичем Погодиным (1800—1875), который стал его другом на всю дальнейшую жизнь. Об участии М. П. Погодина в судьбе молодого ученого, о постоянной помощи ему рассказывает переписка, которую они вели в течение 40 лет⁵.

* Настоящая статья вошла в книгу «Российское востоковедение XIX века в лицах», предполагаемую к изданию в Центре «Петербургское Востоковедение» в 1998 году.

¹ Московские ведомости. 1875. № 242. С. 3; Иллюстрированная неделя. 1875. № 140. С. 640; Голос. № 265. С. 3; Берг Н. В. Павел Яковлевич Петров, профессор-ориенталист // Русская старина. М., 1876. Т. 17. С. 394—399; Отчет Московского университета. 1876. С. 65—69.

² Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. 13. С. 694—696.

³ Крачковский И. Ю. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому // Очерки по истории русского востоковедения (ОИРВ). М., 1953. Сб. 1. С. 7—22; Шофман А. С. Санскритолог П. Я. Петров в Казанском университете // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. 1957. Т. 117. Кн. 9. С. 53—58; Он же. Русский санскритолог П. Я. Петров // ОИРВ. М., 1960. Сб. 3. С. 126—146; Стариков А. А. Из истории восточной филологии в Московском университете // Советское востоковедение. 1955. № 6, С. 81—88; Он же. Восточная филология в Московском университете // ОИРВ. М., 1960. Сб. 3. С. 147—165.

⁴ В работе Б. М. Данцига «Ближний Восток в русской науке и литературе» (М., 1973. С. 343) он ошибочно назван Петром Яковлевичем.

⁵ В настоящее время известно 25 писем П. Я. Петрова М. П. Погодину. См.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОРРГБ). Ф. 231 М. П. Погодина, разряд II (ф. 231—II). Карт. 52. Ед. хр. 74; Карт. 24. Кд. хр. 24, 25. А. С. Шофман упоминает о 10 письмах; на четыре из них не

Стараясь обеспечить П. Я. Петрова надежным источником дохода и зная о его любви к Востоку, М. П. Погодин в 1834 г. нашел для него место домашнего учителя в семье российского посла в Константинополе А. П. Бутенева. На это предложение П. Я. Петров ответил отказом: «Благодарю Вас за Ваши старания, но не могу ими воспользоваться, взяв в соображение то, что в Константинополе я получу возможность усовершенствоваться только в арабском, персидском и турецком и принужден буду отказаться от главного и любимого моего предмета — санскритского языка»⁶. Эти строки свидетельствуют об определенности целей начинающего востоковеда, о его знакомстве уже в этот период с санскритом и о стремлении посвятить себя индологии.

В 1834 г. М. П. Погодин рекомендовал способного лингвиста министру просвещения (с 1833 г.) Сергею Семеновичу Уварову (1786—1855)⁷. Последний принял решение зачислить П. Я. Петрова слушателем восточного отделения Профессорского института — своеобразной аспирантуры для востоковедов, открытой в это время при Петербургском университете. Руководство его занятиями поручили академику Христиану (Даниловичу) Френу (1782—1851)⁸.

Широко известно о начавшейся в Московском университете дружбе П. Я. Петрова с Виссарионом Григорьевичем Белинским (1811—1848). Сохранилось письмо последнего знакомым в Чембар от 20 декабря 1829 г., в котором он «по справедливости хвалится» дружбой с П. Я. Петровым, отмечая в нем «способности» и глубокие «познания» в изучении арабского и персидского языков, а также стремление овладеть в дальнейшем санскритским и турецким языками⁹.

В 1833 г. они оба вошли в кружок философско-нравственного направления, душой которого был Николай Владимирович Станкевич (1813—1840) — замечательная личность, оригинальный философ и авторитетный руководитель¹⁰.

После переезда П. Я. Петрова в 1834 г. в Петербург Н. В. Станкевич, В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, В. И. Красов, И. П. Ключников и другие члены кружка продолжали следить за его научными успехами и на протяжении нескольких лет (1834—1838) делиться друг с другом сведениями о нем. 10 марта 1834 г. (очевидно, в этом месяце П. Я. Петров приехал в Петербург) Н. В. Станкевич представлял его в письме своему товарищу Януарию Михайловичу Неверову (1810—1893): «Он москвич по душе. Прими его с распростертыми объятиями»¹¹. В письме от 30 марта он интересовался, встретились ли они и «наговорились (ли) о Москве и москвичах»¹². В письме от 11 апреля тот же Н. В. Станкевич отмечал такие черты характера

дает точных ссылок, два письма датирует неверно. — Шофман А. С. Русский санскритолог П. Я. Петров... С. 128, 135.

⁶ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. С. 251—252. Место хранения подлинника этого письма установить не удалось.

⁷ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. СПб., 1892. С. 181.

⁸ В литературе существует неверное мнение, что Х. Д. Френ был инициатором перевода П. Я. Петрова из Москвы в Петербург. — См.: Крачковский И. Ю. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому... С. 9 и др.

⁹ Белинский В. Г. Письма. Т. 1. СПб., 1914. С. 9.

¹⁰ Философские настроения и литературные вкусы П. Я. Петрова этого периода отразились в публикациях его стихотворных переводов с западноевропейских языков. — См.: Галатея. М., 1830. Ч. 2. С. 228; 1830. Ч. 15. С. 41—43; Молва. М., 1833. № 85. С. 337—338; № 131. С. 521—522; 1835. № 14. С. 217—219; Телескоп. М., 1835. Ч. 25. С. 34—38.

¹¹ Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. М., 1914. С. 280.

¹² Анненков П. В. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857. С. 86.

П. Я. Петрова, как доброта, «совестливость», «много предрассудков, много детского, много неумения»¹³. 8 июля 1834 г. он, повидавшись в Петербурге с П. Я. Петровым, сообщал Василию Ивановичу Красову (1810—1855), что их друг «зубрит санскритскую грамматику», «пополнил и стал похож на санскритскую букву с приписью, то есть на две сокращенные и сплоченные буквы»¹⁴.

Подробные сведения о пребывании П. Я. Петрова в Профессорском институте сохранились в его письмах этого периода В. Г. Белинскому, в которых он описывал свои успешные занятия восточными языками, увлекательную работу с рукописями, впечатления о преподавателях, планы поездок в Лондон и Париж¹⁵.

О своих успехах и неудачах в изучении Востока П. Я. Петров постоянно сообщал М. П. Погодину. 24 марта 1836 г. он писал о «занимательной» книге, которую ему дал Х. Д. Френ: «Это география Хаджи Хальфы¹⁶ на турецком. Топографические известия чрезвычайно подробны: недавно прошел я с автором по всем улицам Шираза, видел его мечети, гробницы Сада и Хафиза и поневоле поверил словам сочинителя, который говорит в предисловии, что из всех отраслей познаний джаграфия есть прекраснейшая, что знающий все ее тонкости может, сидя на ковре безопасности, странствовать, подобно путешественникам мира, по отдаленнейшим землям»¹⁷.

16 июня 1836 г. П. Я. Петров послал М. П. Погодину подробный отчет о своем двухлетнем пребывании в Петербурге, из которого видно, что занятия строились по индивидуальному плану, включающему несколько ступеней.

На первом этапе «беспрерывно по 13 и 14 часов в сутки» профессорант занимался исключительно языковыми дисциплинами. Арабский, персидский и санскритский языки считались «должностными занятиями». О результатах, достигнутых в них за два года, он писал: «Я выучился по-персидски, то есть говорю, понимаю книги и даже пишу на нем (хотя Джафар еще сильно вопиет на некоторые европеизмы в моих сочинениях); понимаю порядочно по-арабски и по-санскритски»¹⁸.

Сверх программы профессорант обучался турецкому языку, по поводу которого сообщал М. П. Погодину: «Несмотря на то, что начинаю понимать книжный язык, не могу связать двух фраз в разговоре, где употребляются слова более простонародные»¹⁹.

При такой учебной нагрузке П. Я. Петрова привлекал еще китайский язык. Отсутствие преподавателя, пособий, особенности методики были столь серьезными препятствиями, что он вынужден был признать: «В китайском же увы! подвергся участи обитателей Небесной империи, то есть не двигаюсь ни назад, ни вперед. Правда, самолюбие мое находит этому извинение в недостатке порядочного словаря и корыстолюбии здешних хинезистов, но это плохое утешение»²⁰. Трезво оценивая обстановку, но отнюдь не отказываясь

¹³ Переписка Николая Владимировича Станкевича. С. 282.

¹⁴ Там же. С. 399.

¹⁵ ОРРГБ. Ф. 21. Папка 10779. Ед. хр. 13 (11 писем, 1834—1841 гг.); В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 223—251. Подробнее об этих письмах см.: Крачковский И. Ю. Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому...

¹⁶ Написание восточных имен и терминов в цитатах — авторское.

¹⁷ ОРРГБ. Ф. 231 — II. Карт. 52. Ед. хр. 74. Л. 3—4 об.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

от изучения этого труднейшего языка, П. Я. Петров принял следующее решение: «Китайский же я намерен отложить до того времени, пока не буду в состоянии выписать из Англии знаменитый словарь Морисона²¹. Жаль, что нет здесь отца Иакинфа!»²²

Следующий этап обучения наряду с продолжением занятий языками включал знакомство с литературой и рукописями восточных собраний Петербурга, а также изучение истории и географии Востока. После этого планировалась научная командировка за границу. Ее маршрут П. Я. Петров ставил в зависимость от места своего назначения. Последующая специализация в области арабистики требовала, по его мнению, годичного пребывания в Сирии и Египте. Возможность занятия кафедры санскрита — этот вариант наиболее устраивал его — предполагала двухгодичную работу в библиотеках и хранилищах Лондона.

Судя по приведенному письму, П. Я. Петров в Профессорском институте изучал пять восточных языков. Арабский и турецкий языки преподавал Осип Иванович Сенковский (1800—1858). Особенным успехом в персидском языке профессорант был обязан преподавательскому таланту Мирзы Джафара Топчибашева (1790—1869)²³. Китайскому языку он учился самостоятельно, а упоминаемая «здешних хинезистов», возможно, имел в виду П. Л. Шиллинга или П. И. Каменского. О занятиях санскритским языком следует рассказать подробнее.

В литературе утвердилось мнение, что обязательная программа профессоранта П. Я. Петрова состояла из «мусульманских» языков, а санскритом он занимался в Петербурге «по собственному влечению», «самостоятельно», «частным образом». Но в упомянутом письме М. П. Погодину ясно сказано, что это был «должностной» предмет. Каким же путем шел П. Я. Петров в изучении этого языка, имевшего наибольшее значение в его востоковедной деятельности?

Мы уже знаем, что первоначальное знакомство П. Я. Петрова с санскритом произошло еще в Москве. При поступлении в Профессорский институт его экзаменовал по этому предмету академик Исаак Яков (Яков Иванович) Шмидт (1799—1847), специально этим языком не занимавшийся. В письмах П. Я. Петрова сохранились сведения о том, что летом 1834 г. он жил на одной квартире («у Поцелуева моста в доме Кусовникова») вместе «с доктором философии Геттингенского университета, у которого он учится по-санскритски и которого учит по-русски и по-персидски»²⁴. Речь идет о Фридрихе (Федоре Федоровиче) Болленсене, в 1834 г. приехавшем в Петербург. Занятия начались в середине июля того же года и продолжались несколько месяцев.

В литературе встречаются упоминания о частных уроках и советах, которые давал П. Я. Петрову Р. Х. Ленц. При этом незаслуженно забывается, что именно в это время Роберт (Христианович) Ленц (1808—1836), получивший блестящую индологическую подготовку за границей, читал первый в

²¹ Моррисон. Словарь китайского языка. Т. 1—6. 1815—1823.

²² ОРРГБ. Ф. 231—I. Карт. 52. Ед. хр. 74. Л. 2 об. Отец Иакинф — выдающийся китаист Никита Яковлевич Бичурин (1777—1853) — в это время был преподавателем училища в Кяхте.

²³ В 1835 г. П. Я. Петров опубликовал перевод персидской газели, сохранив стихотворный размер подлинника. — См.: Молва. М., 1835. Ч. 10. С. 387—389.

²⁴ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН (РОИРЛИ). Ф. 383 П. С. Савельева. Ед. хр. 69. Л. 1; В. Г. Белинский и его корреспонденты... С. 225, 229, 240.

России университетский курс санскрита и сравнительного языкознания. Лекции начались 3 марта 1836 г., проводились три раза в неделю и продолжались в течение пяти месяцев. Лектор излагал санскритскую грамматику «сравнительно с зендским, греческим, латинским, готическим и славянским (церковным), то есть представительными языками того их семейства, которое известно в ученном мире под именем индо-германского»²⁵.

Отзыв П. Я. Петрова о новом курсе сохранился в его письме М. П. Погодину от 24 марта 1836 г.: «При здешнем университете открылась кафедра санскритского языка. Ленц, недавно воротившийся из Англии, собирает теперь под свои знамена до 30-ти слушателей: не удивляйтесь этому, он еще не приступал к алфавиту, которого горечь старается подсластить литературой — но напрасно. Еще до начала лекций его в университете, почти тотчас по приезде его, я был отрекомендован ему Френом. Вот уже два месяца как я хожу к нему на дом. Хорошо преподает — но далеко до Сенковского»²⁶.

Таким образом, в Петербурге П. Я. Петров использовал любую возможность для совершенствования знаний в «наречии брахманов». С января 1836 г. и до кончины Р. Х. Ленца в июле того же года санскрит входил в число обязательных предметов профессоранта П. Я. Петрова. Полугодовое общение со специалистом-индологом дало ему необходимую методическую подготовку, и после смерти преподавателя он продолжал занятия самостоятельно, идя по верному пути. Позднее он развил основную идею Р. Х. Ленца «о сродстве языков и роли, которую должно занимать между ними древнее наречие брахманов»²⁷. Продолжил он также работу Р. Х. Ленца по описанию санскритских рукописей²⁸.

В 1834 г. П. Я. Петров близко сошелся с выпускниками Петербургского университета Василием Васильевичем Григорьевым (1816—1881) и Павлом Степановичем Савельевым (1814—1859). Вместе они следили за новинками литературы, сотрудничали в журналах и тем самым внесли определенный вклад в развитие востоковедной журналистики.

Успехи П. Я. Петрова были столь бесспорными, что осенью 1837 г., за год до окончания срока обучения в Профессорском институте, был поднят вопрос о том, «нужно ли еще продолжить пребывание его в оном»²⁹. Его экзаменовала специальная комиссия, состоящая из преподавателей разряда восточной словесности Петербургского университета, под председательством ректора Ивана Петровича Шульгина (1795—1869). В ноябре 1837 г. профессорант выдержал четыре экзамена. Его знания были оценены следующим образом: по арабскому языку — «очень хорошие», по турецкому — «несколько слабее», по-персидскому — «отличные»³⁰.

²⁵ Григорьев В. В. Санскритский язык в России // Северная пчела. СПб., 1836. № 56. С. 223—224.

²⁶ ОРРГБ. Ф. 231—II. Карт. 52. Ед. хр. 74. Л. 4—4 об.

²⁷ Петров П. Я. О свойствах и составе санскритского языка // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). СПб., 1842. Ч. 33. Отд. 2. С. 184—208.

²⁸ Петров П. Я. Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском музее Императорской С.-Петербургской академии наук // ЖМНП. СПб., 1836. Ч. 12. Отд. 4. С. 194—198.

²⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб ФА РАН). Ф. 778. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 250.

³⁰ ОРРГБ. Ф. 231—II. Карт. 9. Ед. хр. 38. Л. 6 об; СПб ФА РАН. Ф. 778. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 250, 340.

Поскольку «из санскритского в Петербурге не нашлось экзаменатора», П. Я. Петров доказал свои достижения в этой области иным путем. Он представил министру просвещения С. С. Уварову «отрывок из одной санскритской поэмы, находящейся в рукописи в здешнем Азиатском музее, присоединив к нему перевод, грамматический разбор и несколько примечаний»³¹. Речь идет об исследовании им эпизода «Похищение Ситы» из поэмы «Рамаяна»³².

Х. Д. Френ предложил эту работу опубликовать, а автора ее отправить за границу для завершения санскритологического образования. В связи с этим С. С. Уваров распорядился послать рукопись на официальный отзыв в Академию наук³³, куда она поступила 1 декабря 1837 г. Вопрос о заграничной командировке П. Я. Петрова неоднократно поднимался и ранее, но каждый раз решение его откладывалось. По этому поводу он жаловался М. П. Погодину в январе 1838 г.: «Рукопись моя пошла в Академию наук на рассмотрение Греффе и Шмита и находится там до сих пор. По словам Френа, который заботится обо мне по-прежнему, я буду непременно отправлен за границу нынешнею весною. Впрочем, мне то же говорили и в прошлом году»³⁴. Академики Федор Богданович Грефе (1780—1851) и упоминавшийся выше Я. И. Шмидт не могли по достоинству оценить работу П. Я. Петрова, поскольку его знания по санскритологии превосходили их собственные. Они ограничились подтверждением, что «труд сей состоит из красивого списка санскритского текста Ситагаранама и из русского перевода этого отрывка, с приложением предисловия, словаря и весьма подробного грамматического разбора»³⁵, а также поддержали замысел поездки автора в Европу и Англию и полностью одобрили ее программу.

3 мая 1838 г. командировка была «высочайше» утверждена. П. Я. Петрову выделялось «содержание» по 300 рублей в год и 100 рублей «на путевые расходы»³⁶. Маршрут включал четыре крупнейших центра востоковедения: Берлин, Бонн, Париж и Лондон. В программу входили арабский, персидский, турецкий, монгольский и санскритский языки. Х. Д. Френ, составивший «наставление» «по магометанским языкам», настоятельно рекомендовал изучение рукописных собраний и, в частности, сбор сведений по истории русско-восточных связей³⁷. Что касается плана санскритологических занятий, то он включал «надзидательное знакомство с известнейшими знатоками санскритской литературы в чужих краях» и поиск материалов для «санскритской хрестоматии из одних неизданных доселе текстов с потребным для того словарем»³⁸.

В августе 1838 г. П. Я. Петров выехал из России. Около полугода он прожил в Берлине, откуда отправил письмо С. С. Уварову и три «рапорта» Х. Д. Френу, в которых сообщал о занятиях санскритским, бенгальским, зендским языками, об изучении рукописных и книжных собраний, о контактах с

³¹ Приписка П. Я. Петрова на письме В. В. Григорьева М. П. Погодину от 10 января 1838 г. // ОРРГБ. Ф. 231—II. Карт. 9. Ед. хр. 38. Л. 6 об.

³² ЖМНП. СПб., 1838. Ч. 17. Отд. 3. С. 416.

³³ СПб ФА РАН. Ф. I. Оп. 2—1837. Ед. хр. 40. § 647.

³⁴ ОРРГБ. Ф. 231—II. Карт. 9. Ед. хр. 38. Л. 6 об.

³⁵ СПб ФА РАН. Ф. 1. Оп. 2—1838. Л. 1—4, § 120.

³⁶ СПб ФА РАН. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 240. Л. 17.

³⁷ СПб ФА РАН. Ф. 778. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 251; Оп. 2. Ед. хр. 240. Л. 20. Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. СПб., 1892. С. 179.

³⁸ СПб ФА РАН. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 240. Л. 17.

учеными³⁹. Здесь он познакомился с ориенталистами Карлом Риттером (умер в 1859 г.), Христианом Лассеном (умер в 1876 г.), Юлиусом Генрихом Петерманом (1801—1876), Иоанном Готфридом Людвигом Козегартеном (1792—1860).

Особенно плодотворным следует считать его общение с Ф. Боппом, которому он передал рекомендательное письмо и труды Х. Д. Френа. Профессор Берлинского университета, один из основателей сравнительного языкознания Франц Бопп (1791—1867) оказывал П. Я. Петрову постоянное содействие в углубленном изучении санскрита. Помимо лекционного курса молодой ученый получал от него консультации о подборе литературы и источников. 30 января 1839 г. Ф. Бопп послал в Петербург лестный отзыв о научной подготовке, стараниях и способностях П. Я. Петрова, считая его по уровню знаний преемником Р. Х. Ленца⁴⁰.

В период пребывания П. Я. Петрова в Берлине здесь существовал «русский кружок», в который входили Т. Н. Грановский, Н. В. Станкевич, Я. М. Неверов — все, по отзыву В. В. Григорьева, «люди славные, милые, добрые, образованные». В. В. Григорьев писал им из Одессы, жаловался на отсутствие достойного окружения и замечал по этому поводу: «Что такое честный человек, это объяснит вам Петров. Что же он меня не ругает, аль ругаться научился?»⁴¹ Вскоре по состоянию здоровья Н. В. Станкевич вынужден был уехать на юг, в Аахен. Оттуда он, уже безнадежно больной, писал Тимофею Николаевичу Грановскому (1813—1855), просил найти П. Я. Петрова и в шутку добавлял: «Поклонись ему по восточному обычаю, принеси какие-нибудь дары и попроси если не любить, то, по крайней мере, иметь ко мне некоторую склонность. Он торжественно объявил однажды Белинскому, что уважает, но не любит меня»⁴². Прямота и бескомпромиссность П. Я. Петрова, отмеченные в письмах, при решении деловых вопросов создавали для него дополнительные трудности.

В 1839 г. П. Я. Петров переехал в Париж. В здешних хранилищах он проводил по много часов в день, просматривая каталоги, собирая материал для санскритской хрестоматии, копируя наиболее интересные источники⁴³. В поисках и изучении этих рукописных богатств ему помогали советами французские востоковеды Евгений Бюрнуф (1801—1852), Симон Александр Ланглюа (1788—1854) и др. В парижской библиотеке произошла случайная встреча П. Я. Петрова с М. П. Погодиным, во время которой они «совершили путешествие по всему Востоку, поколику он представляется на Западе»⁴⁴. М. П. Погодина поразили трудоспособность его друга и превосходные отзывы о нем европейских ученых.

³⁹ Письмо кандидата Петрова к г. министру народного просвещения из Парижа, от 14/26 апреля 1839 г. // ЖМНП. СПб., 1839. Ч. 23. Отд. 4. С. 38—44; СПб ФА РАН. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 240. Л. 3—8.

⁴⁰ СПб ФА РАН. Ф. 778. оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 3—4. Письмо Ф. Боппа Х. Д. Френу.

⁴¹ ОРРГБ. Ф. 84. Карт. М/3. Ед. хр. 18. Л. 2—2 об.

⁴² Переписка Николая Владимировича Станкевича... С. 472.

⁴³ СПб ФА РАН. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 240. Л. 9—12; Донесение кандидата Петрова г. министру народного просвещения из Парижа от 16/28 февраля 1840 г. // ЖМНП. СПб., 1840. Ч. 26. Отд. 4. С. 9—16.

⁴⁴ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. С. 281.

Посещение лондонских рукописных хранилищ также входило в планы П. Я. Петрова. В письме Х. Д. Френу от 6 декабря 1839 г. говорилось об отъезде в Англию⁴⁵, но в феврале 1840 г. П. Я. Петров был еще в Париже.

Осенью 1840 г. П. Я. Петров с радостью и надеждой вернулся в Россию. Однако здесь его ожидало горькое разочарование. Пока он находился за границей, в Петербургском университете 4 октября 1838 г. открылся курс санскритского языка, который читал Иоганнес Альбрехт Бернгард (Борис Андреевич) Дорн (1805—1881). В члены Академии наук П. Я. Петрова также не избрали. В литературе есть мнение, что это зависело только от его нежелания сдавать экзамен по специальности⁴⁶. Между тем в одном из писем он жаловался, что осенью 1841 г. «об экзамене нет и помину»⁴⁷. Очевидно, проведение испытания тормозилось иными причинами. Как бы то ни было, в 1842 г. в Академии наук открыли специальную кафедру санскрита, которую занял Оттон (Николаевич) Бетлинг(к) (1815—1904). Дело осложнялось тем, что подготовленные работы не публиковались из-за отсутствия санскритского шрифта. Некоторые из них, не требовавшие специальных условий печатания, были изданы в журнале М. П. Погодина «Москвитянин» и в «Журнале министерства народного просвещения»⁴⁸.

Целый год длилась эта неопределенность положения. П. Я. Петров тяжело переживал случившееся, но не терял бодрости духа. Возражая в ответ на упрек М. П. Погодина в непрактичности, он писал 8 июля 1841 г.: «Вам хорошо называть меня бестолковым, но я уверяю Вас, что когда ученому приходится ежедневно думать о средствах своего пропитания, то ему не поможет ни наука, ни толковость, а разве только природная веселость, если Аллах не отказал ему в этом даре. Меня же он щедро наделил им»⁴⁹. В поисках места службы П. Я. Петров пытался «пустить в ход» свое знание персидского и арабского языков, просил М. П. Погодина подыскать работу в библиотеках, был согласен на все, лишь бы иметь возможность заниматься востоковедением именно в Петербурге. Он не хотел уезжать отсюда даже в Москву. «Что могу я сделать по своей части в Московском университете? — восклицал он. — Там только 11 мусульманских рукописей (они мною же были описаны)⁵⁰. Расстаться с Петербургом для меня то же, что совершенно оставить восточную часть»⁵¹.

В декабре 1841 г. П. Я. Петрову предложили место адъюнкта в Казанском университете, и он вынужден был согласиться на этот вариант. В Каза-

⁴⁵ СПб ФА РАН. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 240. Л. 3, 8, 45 и др.

⁴⁶ Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. 1876. СПб., 1879—1880. Т. 1. С. 236.

⁴⁷ ОРРГБ. Ф. 231—II. Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 5.

⁴⁸ См. работы П. Я. Петрова: Матсьдпакьянамъ или Сказание о рыбе (из Махъбъараты) // Москвитянин. М., 1841. Ч. 4. С. 404—409; Сказание о Савитрии (из Махъбъараты) // Москвитянин. М., 1841. Ч. 26. С. 337—352; О священной литературе народов Загангесской Индии // ЖМНП. СПб., 1841. Ч. 31. Отд. 2. С. 27—36.

⁴⁹ ОРРГБ. Ф. 231—II. Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 1 об.; Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 6. М., 1893. С. 138.

⁵⁰ См.: Петров П. Я. Обзорение арабских, персидских и турецких рукописей, находящихся в библиотеке Императорского Московского университета // ЖМНП. СПб., 1837. Ч. 13. Отд. 2. С. 549—555.

⁵¹ ОРРГБ. Ф. 231—II. Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 5.

ни он преподавал санскритский язык и словесность⁵², вел курс «индусских древностей и истории царства Кашмирского», обучал студентов английскому и латыни⁵³.

В казанский период (1841–1852) П. Я. Петров не прерывал связи с петербургскими и московскими учеными. Он продолжал переписку с Х. Д. Френу и М. П. Погодиным.

В письме Х. Д. Френу от 9 апреля 1842 г. он сообщал, что благодаря содействию «попечителя Пушкина»⁵⁴ он пользуется шестью санскритскими рукописями, выписанными для него, вероятно, из Петербурга. Писал он Х. Д. Френу о завершенных работах, в частности, о «маленькой брошюре Sitahaganam» и санскритской антологии⁵⁵.

В письмах М. П. Погодину также были сведения о подготовленных к публикации сочинениях: о «статье Гита-Говинда, составленной по материалам, случившимся под рукой», в которой «много хорошего, жаль только, что наш индус слишком пускается в ботанику»⁵⁶; о «Ведах и Упанишадах»⁵⁷, о «переводе одной санскритской драмы»⁵⁸, о «санскритской хрестоматии» и словаре к ней⁵⁹.

П. Я. Петров выступал в это время также как рецензент публикаций самого разного характера. Не желая огласки, он просил М. П. Погодина не подписывать его критические материалы, и по этой причине трудно составить их перечень. В письмах упоминаются его отзывы на работы Шафарика⁶⁰ и П. Казанского, на сочинение по истории христианства⁶¹, на книгу по истории Флорентийского собора⁶² и др.

В 1845 г. началась переписка П. Я. Петрова с адъюнктом Академии наук по отделению истории Аристом Аристовичем Куником (1814–1899). В ней мы находим обмен мыслями и планами, сведениями об изучаемых темах, о трудностях и успехах в их деятельности, о новинках востоковедения⁶³. 8 ию-

⁵² См.: Петров П. Я. Программа для преподавания санскритского языка и литературы при Императорском Казанском университете // Учен. зап., издаваемые Императорским Казанским ун-том. 1842. Кн. 2. С. 77–95.

⁵³ Иллюстрированная неделя. 1875, № 140. С. 640.

⁵⁴ СПб ФА РАН. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 240. Л. 13. Подразумевается Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862) — попечитель Казанского учебного округа в 1845–1856 гг.

⁵⁵ СПб ФА РАН. Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 240. Л. 14–14 об.

⁵⁶ ОРРГБ. Ф. 231–II. Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 7. См.: Петров П. Я. Разбор санскритской поэмы «Гита-говинда» с отрывками из нея // Москвитянин. М., 1843. Ч. 1. С. 120–129.

⁵⁷ Ср.: Петров П. Я. О Упанишадах, изданных в Париже г. Полеем (Донесение г. министру народного просвещения) // ЖМНП. СПб., 1837. Ч. 15. Отд. 2. С. 536–544.

⁵⁸ ОРРГБ. Ф. 231–II. Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 7 об. См.: Петров П. Я. О духовной литературе индусов // ЖМНП. СПб., 1845. Ч. 48. Отд. 2. С. 133–148.

⁵⁹ ОРРГБ. Ф. 231–II. Карт. 24. Ед. хр. 24. Л. 8.

⁶⁰ Павел (Павлович) Шафарик (1795–1861) — пражский профессор, специалист по литературе славянских народов.

⁶¹ Москвитянин. М., 1848. Ч. 1. С. 143–164.

⁶² Там же. С. 69–73.

⁶³ СПб ФА РАН. Ф. 95. Оп. 2. Ед. хр. 683. Л. 1–6 (5 писем, 1845–1847 гг.).

ня 1846 г. П. Я. Петров писал, что в течение пяти месяцев занимается тибетским языком, но ходом дела недоволен, так как «словарь и грамматика плохи»⁶⁴.

Почти во всех письмах П. Я. Петрова А. А. Кунику есть информация, связанная с историей издания санскритской антологии. Первый ее том находился в печати в 1845—1847 гг. Специально для этой цели в Казань выписали санскритский шрифт, и набор был сделан самим автором-составителем. Изготовление оттисков требовало «слишком многих хлопот, трудов и издержек» и замедлялось рядом обстоятельств: отъездом из Казани М. Н. Мусина-Пушкина, отсутствием поддержки университетского начальства, недостатком опыта в печатном деле, болезнью П. Я. Петрова и т. д. Стремясь сделать книгу не «слишком толстой» и изложить материал «сжато», автор в процессе издания переработал рукопись, убрав, в частности, тексты, «уже изданные в Германии»⁶⁵. Весной 1847 г. первый том, состоявший из отрывков литературного, исторического, философского содержания, а также фольклорных фрагментов, наконец вышел из печати. П. Я. Петров послал несколько его экземпляров в Петербург: А. А. Кунику, Ф. Ф. Болленсену, Х. Д. Френу, в академический Азиатский музей⁶⁶. Второй том, состоявший из этимологического словаря и примечаний, из-за указанных «чрезвычайных» трудностей в большей части остался в рукописи: набор его текста был сделан полностью, но изготовление оттисков было прервано.

Из Казани П. Я. Петров отправил единственное дошедшее до нас письмо Каэтану Андреевичу Коссовичу (1815—1883) — специалисту по ряду восточных языков, особую привязанность имевшему к санскриту⁶⁷. Судя по письму, этих людей связывали общность научных взглядов, отношения уважения и доверия. Возможно, они познакомились в 1830-е гг. в Москве, поскольку оба были близко знакомы с Н. В. Станкевичем и членами его кружка. Письмо П. Я. Петрова датировано 23 марта 1850 г. В это время К. А. Коссович служил в Публичной библиотеке в Петербурге. П. Я. Петров сообщал ему, что «послание» и посылку с рукописью получил накануне годичных экзаменов в университете, и просил из-за обширной нагрузки («и программы для будущего года, и билеты для студентов, и отчеты — да к этому еще три предмета... санскритский, английский и история санскритской литературы») с отзывом на присланную работу подождать «до вакаций». В этом письме отразилось мрачное настроение, преследовавшее П. Я. Петрова: он сетовал на нежелание заниматься наукой, на усталость от преподавания, на отсутствие заинтересованных студентов, на тяготы жизни в провинции. Выдающемуся ученому было тесно в Казани, ему хотелось быть на переднем крае науки — там, где его необычайные познания нашли бы должную оценку и понимание, а вместо этого он имел множество обязанностей, которые не приносили радости, и сознание того, что лучшие для научной деятельности годы безвозвратно уходят.

Письма П. Я. Петрова этих лет профессору Московского университета Степану Петровичу Шевыреву (1806—1864) также наполнены жалобами: на недостаток профессиональных контактов, на плохое отношение начальства, на здешний климат, пожары, болезни⁶⁸.

⁶⁴ Там же. Л. 4 об.

⁶⁵ Там же. Л. 1—2.

⁶⁶ Там же. Л. 5 об.; Ф. 778. Оп. 2. Ед. хр. 240. Л. 14 об.

⁶⁷ ОРРГБ. Ф. 18. Карт. 8554. Ед. хр. 81а. Л. 1—1 об.

⁶⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОРРНБ). Ф. 850. Ед. хр. 436.

В 1851 г. заканчивался положенный П. Я. Петрову как выпускнику Профессорского института десятилетний срок службы в ведомстве Министерства народного просвещения, и он мог выбрать место работы по своему усмотрению. Друзья хлопотали о его переводе в Москву. Казанское начальство не хотело терять этого прекрасного преподавателя и действовало в данном случае довольно своеобразно: его «удерживали силой» и, поскольку формальной причиной отставки была болезнь, то даже дано было указание медицинскому факультету об «освидетельствовании» его⁶⁹. Летом 1850 г. приняли компромиссное решение: вместо отставки П. Я. Петров получил отпуск и выехал в Москву договариваться о переезде⁷⁰. Только через год, 27 июля 1851 г., он был окончательно уволен из Казанского университета.

Перевод П. Я. Петрова в Москву был связан с восстановлением 16 января 1852 г. университетской кафедры восточных языков⁷¹. На этой кафедре П. Я. Петров прошел путь (1852—1875) от адъюнкта до заслуженного профессора, причем до 1856 г. он работал без жалованья. Он вел здесь курсы санскритского, древнееврейского, арабского, персидского и турецкого языков. Данные о его московском периоде жизни сохранились в переписке с М. П. Погодиным, Н. В. Бергом, С. П. Шевыревым, И. П. Минаевым.

Переписка П. Я. Петрова с М. П. Погодиным в это время приобрела новую окраску: они преподают в одном университете, часто видятся, и их эпистолярные связи сводятся к обмену короткими деловыми записками. В них отразились факты университетской общественной жизни: подготовка юбилеев, создание студенческой кассы и столовой, организация помощи учащимся, как русским, так и приехавшим из Болгарии, проведение на квартире П. Я. Петрова «съездов студенческих представителей» и др.⁷². Все это заставляет пересмотреть имеющееся в литературе представление о П. Я. Петрове как о меланхолике и затворнике, чуждающемся человеческого общества.

С Николаем Васильевичем Бергом (1824—1884) П. Я. Петров сблизился в период совместной подготовки востоковедной части антологии «Песни разных народов»⁷³. Вклад П. Я. Петрова в составление антологии был настолько весом, что он по праву может считаться одним из ее создателей⁷⁴. Между тем о своем участии в этом деле он не позволил даже упомянуть в предисловии. После отъезда Н. В. Берга в конце 1850-х гг. из Москвы он и П. Я. Петров обменялись письмами. В них сохранились любопытные сведения о том, что, несмотря на многочисленные «дела по своей кафедре» и ради одной только «радости познания», П. Я. Петров продолжал изучать в это время китайский язык. Зная об этом, Н. В. Берг выписал для него из пограничного с Китаем района принадлежности, необходимые для овладения китайским способом письма, и тем самым устроил ему «истинный праздник»⁷⁵.

⁶⁹ Там же. Л. 2.

⁷⁰ ОРРНБ. Ф. 850. Ед. хр. 436. Л. 3.

⁷¹ Кафедра закрылась в 1837 г. в связи с увольнением профессора А. В. Болдырева, являвшегося одновременно цензором, давшего разрешение на публикацию известного «Философического письма» П. Я. Чаадаева.

⁷² ОРРГБ. Ф. 231—II. Карт. 24. Ед. хр. 25. Л. 2—4, 7, 9—16, 17, 25, 26 и др.

⁷³ Песни разных народов / Сост. Н. В. Берг. М., 1854.

⁷⁴ П. Я. Петров выполнил в виде литографии текст санскритского гимна, сообщил все персидские материалы, вошедшие в сборник, сделал перевод калмыцкой песни, а также представил текст и перевод песни басков.

⁷⁵ РОИРЛИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 1602. Л. 1.; Берг Н. В. Павел Яковлевич Петров, профессор-ориенталист... С. 398.

В 1854 г. П. Я. Петров подготовил к изданию работу «О важнейших алфавитах восточных языков, их изобретении и главнейших их видоизменениях»⁷⁶. Как видно из его письма С. П. Шевыреву от 23 сентября 1854 г., он активно участвовал в процессе ее печатания: «Видел свою таблицу уже отпечатанною, но, признаюсь, мученья много, потому что гравер часто портит мои буквы и не всегда хорошо поправляются корректуры. Я в особенности боюсь за письма индусские, которые... будут очень трудны»⁷⁷.

Самые поздние из найденных писем П. Я. Петрова были отправлены в декабре 1872 г. выдающемуся индологу Ивану Павловичу Минаеву (1840—1890). В первом письме речь шла о Всеволоде Федоровиче Миллере (1848—1913). П. Я. Петров рекомендовал его как одного из лучших своих выпускников, отмечал его успехи в изучении санскрита и просил И. П. Минаева составить руководство для его поездки за границу. Выражая далее благодарность за присланную «брошюру о палийском языке»⁷⁸, он с присущей ему скромностью замечал, что сам этим предметом занимался очень поверхностно⁷⁹. Второе письмо П. Я. Петрова И. П. Минаеву сопровождало посылку, в которой находились «литовские песни, диссертация Дювернуа⁸⁰ и любопытная брошюра нашего лектора Смита»⁸¹.

Итак, выше представлен обзор более чем 50 писем, содержание которых причастно к биографии П. Я. Петрова. При изучении этих материалов, ценных искренностью и непосредственностью впечатлений, перед нами вырисовывается облик человека, привлекающего многими сторонами своей личности.

Необыкновенная нравственная чистота, преданность делу, требовательность к себе, принципиальность, честность, скромность и доброта — эти черты его характера вызвали искреннее уважение современников. Они определили то, что среди его друзей были такие представители прогрессивной общности, как В. Г. Белинский, Н. В. Станкевич, Т. Н. Грановский, Я. М. Неверов — люди, для которых вопросы смысла бытия, долга, чести имели особое значение.

Его высокий профессионализм, увлеченность наукой, широта интересов обусловили многочисленные связи с представителями разных отраслей востоковедения. В письмах, как мы видели, встречаются имена Х. Д. Френа, О. И. Сенковского, Р. Х. Ленца, Я. И. Шмидта, О. Н. Бетлинга, П. С. Савельева, В. В. Григорьева. Приведенные эпистолярные источники являются единственными пока доказательствами знакомства и общения П. Я. Петрова со знатоками восточных языков Ф. Ф. Болленсенем, К. А. Коссовичем, И. П. Минаевым, — так же, как и он, глубоко интересовавшимся изучением Индии. Многие из названных востоковедов понимали богатые возможности этого специалиста, и каждый из них в разные периоды стремился помочь ему в развитии способностей и борьбе с трудностями.

⁷⁶ Оpubл. в кн.: Материалы для истории писем восточных, греческих, римских и славянских. М., 1853. С. 5—12.

⁷⁷ ОРРНБ. Ф. 850. Ед. хр. 436. Л. 5—5 об.

⁷⁸ Вероятно, речь идет о работе И. П. Минаева «Очерк фонетики и морфологии языка пали» (СПб., 1872).

⁷⁹ РОИРЛИ. Ф. 340. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 1—2.

⁸⁰ Александр Львович Дювернуа (1840—1886) — специалист по славяноведению. Его диссертация «Об истории наслоений в славянском словообразовании» была издана в Москве в 1867 г.

⁸¹ РОИРЛИ. Ф. 340. Оп. 2. Ед. хр. 47. Л. 2.

В переписке зарубежного периода (1838—1841) упоминаются известные европейские ученые Ф. Бопп, Е. Бюрнуф, И. Козегартен, К. Риттер и др. Несомненно, что заслуги П. Я. Петрова снискали ему их уважение.

Письма отразили широкий объем знаний П. Я. Петрова. Впечатляет один перечень языков, которые он знал. Документально подтверждается, что он владел из западноевропейских — немецким, французским, английским, итальянским, испанским, португальским, финским, из восточных — арабским, персидским, турецким, татарским, тибетским, монгольским, калмыцким, китайским и, конечно, санскритским и языками современной ему Индии.

Все это было результатом его редкой одаренности, его способности за два-три месяца постигать грамматические основы языка. Хочется привести несколько характерных штрихов, говорящих об уровне его владения языками. Известно, что песни древних арабов он читал так, как читают современных поэтов. Санскритом он пользовался как живым языком, переводил на него Байрона. Он знал по-персидски, как персианин, писал на этом языке, разговаривал, пел, молился. Овладевая письменностью, он применял приспособления, принятые у того или иного народа. При переводах восточной поэзии он создавал специальные стихотворные размеры, учитывая своеобразие подлинника.

Изучение множества языков было для него не самоцелью, а средством для охвата обширного лингвистического материала, для его сравнительного анализа и выявления характерных черт и особенностей. Главная направленность научного творчества П. Я. Петрова, ярко отразившаяся в его переписке, состояла в том, чтобы на основе постоянного совершенствования своих профессиональных качеств внести наибольший вклад в сокровищницу духовной культуры.

Вопрос о сравнительно небольшом количестве работ, опубликованных П. Я. Петровым, требует специального рассмотрения⁸². Отметим лишь, что одной из причин этого была его чрезмерная требовательность, стремление бесконечно совершенствовать сделанное. В письмах постоянно присутствуют его беспокойство за свои сочинения, его желание улучшить их содержание, учесть все замечания, устранить все недочеты. Он болезненно переживал невнимательность корректоров, добавления и изменения редакторов, неточность транскрипций, недостатки работы гравиров.

Что касается преподавательской деятельности, то она не приносила П. Я. Петрову удовлетворения. Его эрудиция, строгие оценки способностей человека приводили к тому, что он не мог подладиться под средний уровень студенчества. Всегда добросовестно и тщательно готовясь к лекциям, он тяжело переживал отсутствие даровитых учеников, которым бы мог передать свое духовное наследие. Когда также студенты появлялись, он был счастлив и всеми силами способствовал их успехам.

Приведенные выше эпистолярные источники не только привлекают внимание исследователей к личности П. Я. Петрова, но и представляют интерес для русской истории, поскольку позволяют проследить тесные связи отечественного востоковедения с общественно-политической и культурной жизнью России XIX века.

⁸² Личного фонда П. Я. Петрова в архивах не существует. Небольшая часть его рукописей сохранилась в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. Среди них — материалы по санскритологии, китайские ксилографы, сведения о России из восточных рукописей, конспекты лекций и др.

Приложение

Отрывки из воспоминаний Н. В. Берга о П. Я. Петрове ⁸³

«7 сентября 1875 года скончался в Москве, на 64-м году от рождения, профессор тамошнего университета, Павел Яковлевич Петров, один из самых замечательных русских ориенталистов, глубокий знаток персидского, санскритского, арабского и многих других языков, древних и новых. Сколько именно языков было ему известно и в какой степени, этого, мне кажется, никто определенно не знает. Петров был человек скромный, притом весьма необщительный, бирюк, к которому подойти было довольно трудно. Он никогда ничем не хвалился, тем более своими знаниями... оживлялся, был натурален единственно с людьми своей профессии».

«Нравственная чистота его была необыкновенная. Это был кристалл самой чистой воды, белый, как снег, лотос, воспеваемый певцами Индустана. Он всю жизнь чего-то искал и все шел по "своей" дороге вперед, и все жаловался; ему все чего-то недоставало. Этот лотос отцвел как-то тихо и безвестно».

«Он не только знал санскритский язык, как профессор, обязанный преподавать его на кафедре, — он развил в себе такие стороны знания этого языка, такую практику, о которой решительно никто не заботится, какая составила бы роскошь для любого Боппа: Петров говорил и писал по-санскритски как бы на живом языке и переводил на него Байрона, стараясь более или менее выискивать, а иногда и создавать размеры, которые бы шли к переводу нового поэта на язык самых отдаленных наших предков. Где эти переводы? Отчего бы их не напечатать? Ведь это наша слава».

«По-персидски он не только говорил, но и писал, и пел, и молился. Сблизясь со мною, Петров однажды, в хорошем расположении духа, посвятил меня в тайны своих персидских сведений: затягивал заунывную персидскую песню, сидя на корточках; раскладывал коран и молился, качаясь в обе стороны, направо и налево, закрывая глаза».

«Однажды он прочитал мне экспромтом и перевел длинную надпись на китайском веере, который мне откуда-то достался».

«Преследование самого глубокого знания языков у Петрова шло всегда рядом с тончайшим изучением способа писания того или другого народа. На это он употреблял очень много времени... Когда Петров писал по-персидски, никакой персиянин не мог сказать, что это писал "не-персиянин". Если писал по-турецки, по-арабски — это было действительно по-турецки и по-арабски, со всевозможными тонкостями. Разумеется, он употреблял при этом калям».

⁸³ Опубл.: Берг Н. В. Павел Яковлевич Петров, профессор — ориенталист... С. 394—399.

Получив «кисти и тушь несомненно китайские», Петров «тут же сел и записал, держа кисть (длинную, в довольно толстом тростнике, как карандаш) особенным китайским способом, до того для нас неудобным, что, когда я брал кисть таким образом, она у меня вываливалась, но у Петрова, уж немало упражнявшегося в китайском писании, держалась крепко».

Петров «нигде не мог уладить жизни надлежащим образом, не нуждаться хоть в самом главном: в средствах на выписку книг. Просить, лазить, добиваться помощи у правительства или у частных лиц он не умел. Не такой был человек».

Переводы П. Я. Петрова

Отрывок из «Потерянного рая» (Посвящено В. Г. Б.)⁸⁴

Земля, воскликнул он, вселенной украшеньё!
Тебя ли тяготит презренное твореньё?
Тебя ль, созданная всемошною рукой,
Вторая временем, но первая красой!

Какою славою чело твое венчают
Миры, которые вокруг тебя сияют!
И коих стройный сонм, превечною стезей,
Восходит для тебя с вечернею зарей!

Какия пышныя, прелестныя картины
Являют мне твои цветущие долины!
О вы, утесы гор, прекрасные луга,
Зеленые холмы, роскошные брега,
Вы, реки горныя, шумящие потоки,
Прохладные ключи, и вы, моря глубоки!
О, сколько бы ваш вид меня очаровал,
Когда б еще мой дух утечи в мире знал!

Их нет уж для меня! В кипящей бездне ада
Мне глас отчаянья теперь одна отрада!
Мне нужны бедствия, страдания одни,
И радости мои во зле заключены!

Напрасно же мой дух от ада убегает!
Здесь ад ужаснейший в груди моей пылает!
Он мучил бы меня и средь небесных сил,
Когда б тирана их мой меч не усмирил!

⁸⁴ Отрывок из поэмы английского поэта Джона Мильтона (1608–1674) «Потерянный рай». Пер. с англ. П. Я. Петрова посвящен В. Г. Белинскому. Опубл.: Галатея. М., 1830. Ч. 15. № 22. С. 41–43.

Презренный человек есть рук его творенье:
Окажем же творцу двойное оскорбленье:
Да будет жребий мой с ним вместе разделен:
Я счастлив лишь тогда, когда я отомщен!

Пусть участь жертв моих удвоит мне мученья,
Пусть будет казнь моя превыше преступленья,
Мой дух страданьем их утешится вполне!
Их муки, вопли их приятны будут мне.

Моим терзаниям ужасные упреки!
Творец, вселенная — погибните навеки!
Вам бездна адская не будет глубока!
Да сокрушит вас всех могучая рука!
И страшен в ярости ужасной, неизменной,
Останусь я один в развалинах вселенной!

П. П.

Джинны (Виктора Гюго)⁸⁵

Сон очи томит;
Мрак ночи молчит.
Пучины, долины,
Сремнины — все спит.

Чу! вот мчится
Тихий гул:
Кто-то, мнится,
Здесь вздохнул:

Будто милой
И унылой
Над могилой
Дух блеснул.

Голос волшебный
Ближе звучит,
Будто враждебный
Карло бежит;

Мчится стрелою
Вскачь и порою
Нежной ногою
Волны струит.

⁸⁵ Стихотворение «Джинны» французского поэта и писателя Виктора Гюго (1802—1885) из сб. «Восточные мотивы» (1829); пер. с франц. П. Я. Петрова; опубл.: Телескоп. М., 1835. Ч. 25. С. 34—38.

Вот гул ревуший
Проник сквозь туман,
Как голос, зовущий
Во храм христиан,

Как шум отдаленной
Толпы разъяренной,
Растущей мгновенно,
Как злой ураган.

Алла! То глас ужасный,
Глас Джиннов гробовой!
Беги, беги, несчастный,
Спасайся темнотой!

Погас огонь лампы;
Тень каменной ограды
Ужасною громадой
Восходит надо мной.

Так сонм Джиннов низлетает;
С визгом шум от них растет;
С диким стоном сокрушает
Дубы мощный их полет!

Вой их резвой и печальной,
Разсекая воздух дальной,
Всюду, тучей погребальной,
Разрушение несет,

Слетелися... Скорей закроем
Все входы окон и дверей.
Они шумят ужасным роем
Вампиров, демонов и змей...

Как волосок, под ними гнется
Мой ветхий кров... Станица вьется,
И дверь на верях трясется
У бедной хижины моей.

О адский крик! Я слышу плач и стоны...
Ужасный сонм! Уж не на мой ли кров
Тебя, крутя, загнали аквилоны?
Стена дрожит от диких голосов...

Мой дом, склонясь, с скрипением валится,
Как будто бы их шумная станица,
В неистовстве, с ним по полю кружится,
Его, как лист, сорвавши с берегов.

Пророк, пошли мне избавленья
От этих демонов ночных!
Тебе воздам благодаренье
В дыму каминов золотых!

Пусть на вратах зари блистанье
Погасит пламень их дыханья,
И все следы их пребывания
Исчезнут на стенах моих!

Чу! слетели! Прочь несется
Злобный рой их от дверей;
Шум их крыл не раздастся
В окнах хижины моей.

Там гремят они цепями,
Пролетая над лесами...
И их стоны над дубами
Вторят шелесту ветвей.

Их крылья в отдаленьи
Едва-едва шумят;
Неясным впечатленьем
Их голоса звучат;

Как в мураве душистой
Кузнечик голосистой,
Или над кровлей мшистой
Осенний мелкий град.

Еще над равниной
Все чудно шумит;
Так рог Бедуина
Мгновенно звучит,

И песня живая,
Ему отвечая,
Мечтаниям рая
Младенца дарит.

Духи могилы
Джинны прошли:
Гул их унылый
Слышен вдали,

Будто далекой
Ключ одинокой
Льется глубоко
В недра земли.

Умолкает
Гул вдали:
Так стихает
Шум струи,

То печальный
Звук прощальный,
Погребальный
Звук любви!

Мне страшен...
Но нет,
Изглажен
Их след —
Как тени
Видений,
Мучений
И бед!..

П. П. Января 18 1834 г.

Газель (из Хафиза)⁸⁶

Он почил в моем сердце, как гость под шатром.
Он, как в зеркале чистом, во взоре моем.
Ни в одном из миров я награды не жду,
Но я весь под Его всемогущим ярмом,
Тебя тоба пленила, меня ж Его стан:
Так всегда наша мысль соразмерна с умом.
Чем бы был я в том храме, где веет зефир
При вратах Его славы, на праге святом!
Что нужды до моих оскверненных одежд,
Когда мир освещен Его чистым лучем!
Век Меджнуна прошел — теперь наша чреда;
Пять лишь дней нам дано в нашем мире земном.
Все — и радость, и счастье, и царство любви —
Все дано от Него, все сливается в Нем.
Ему в жертву я весь — мое сердце и жизнь —
Да цветет Его слава бессмертным венцом!
Да пребудет Он вечно во взорах моих:
В них Он чудно блистает своим Божеством,
Вновь расцветшая роза — краса цветников —
Есть ничто пред Его вечноюным лицом!
Не гнушайся Хафизом: он чистый алмаз
Беспредельной любви носит в сердце своем.

Перевод с персидского П. П.

⁸⁶ Газель персидского поэта Хафиза (1300–1389); пер. с перс. П. Я. Петрова; опубл.: Молва. М., 1835. Ч. 10. № 24–26. С. 387–389. Отзывы о данном переводе: 1) «первая попытка ввести в русскую литературу арабо-персидскую форму газели» — Эберман В. Арабы и персы в русской поэзии // Восток. М.; Пр., 1923. Кн. 3. С. 113; 2) «исключительный для своего времени по точности воссоздания персидского оригинала опыт, не лишенный и поэтических достоинств» — Стариков А. А. Из истории восточной филологии // Советское востоковедение. М., 1955. № 6. С. 85.

Отрывок из «Сказания о Савитрии» (из Махабхараты)⁸⁷

...Набравши плодов вместе с женою, могучий сын Ашвапати наполнил ими корзину и потом начал рубить дрова. И между тем как он рубил дрова, у него выступил пот, и от напряжения сделалась головная боль. Подошедши к милой подруге, он сказал ей, истомленный усталостью: «И тело и сердце мое горит, Савитрия; я чувствую себя нездоровым, моя милая, и желал бы уснуть; стоять же на ногах я не могу, о благословенная!» Тут Савитрия, подошедши к мужу, положила голову его к себе на колена и села на землю. Вспоминая слова Нарады, она, благочестивая, соединяла в уме своем — и мину-ту и час, и время и назначенный день.

И вдруг увидела она человека, одетого в красное платье, с перевязанными волосами — прекрасного, блеском подобного солнцу. Цвет его был изъсиня белый, глаза его были красны, в руке же его сеть, и весь он был ужасен. Он стоял подле Сатьявана и смотрел на него. Увидев его, она тотчас встала и, тихо опустив голову мужа, сложила руки и в испуге, с трепещущим сердцем сказала: «Я вижу, что ты божество — тело твое не человеческое; скажи мне, по милости своей, Боже, кто ты и чего ты желаешь?»

«Ты любишь своего супруга, Савитрия, — отвечал царь предков, — и предаешься покаянию — я это говорю тебе. Знай, прекрасная, что ты видишь перед собою Иаму. Прошли лета для мужа твоего царевича Сатьявана, и я, связав, возьму его с собою: вот чего я желаю». «Я слышала, благословенный, — сказала Савитрия, — что за смертным приходят твои посланники: зачем же ты сам хочешь вести его, о государь?»

Услышав эти слова, благословенный царь предков в угоду ей начал рассказывать обо всем по желанию ея. «Этот благочестивый красавец, — прибавил он, — есть океан добродетели: его недостойны вести мои посланники, потому-то я и пришел сюда сам».

Потом, связавши сетью тело Сатьявана и овладев им, он силою вынул из него духа с палец величиною. И недвижимое тело, бездушное, бездыханное и лишенное блеску, сделалось неприятным для взора. Иама же, связав его, отправился на юг. И благословенная Савитрия в глубокой горести последовала за Богом.

«Воротись, Савитрия, — сказал Иама, — поди и подними его тело: ты исполнила долг свой перед супругом и поступила так, как следовало». «Куда ведут моего мужа или куда он сам идет, — ответила Савитрия, — туда и мне должно итти: таков закон, от века поставленный. Ни покаяние, ни уважение к супругу, ни любовь к нему, ни обеты, ни самая твоя благость не запрещают мне этого. Люди, знающие истину, говорят, что дружба о семи ногах: выслушай же то, что я скажу тебе, исполняя законы ея: люди бездушные не предают-

⁸⁷ Отрывок из памятника индийской культуры — Махабхараты. Пер. с санскр. П. Я. Петрова; опубл.: Москвитянин. М., 1841. Ч. 6. С. 347—352.

ся в лесах благочестию, истине и жертвоприношениям: одно знание заставляет проповедывать добродетель; вот почему мудрые и называют добродетель высочайшим благом. Если один мудрец помышляет о добродетели, то все идут за ним тем же путем, так же, как и я, не желая ни другаго, ни третьяго, — вот почему мудрые и называют добродетель высочайшим благом».

«Воротись, — сказал Иама, — я доволен твоими речами: в них есть и ненарушимая ясность звуков, и доказательства. Избери дар — я дам тебе все, о прекрасная! — кроме жизни его». «Удалившись в отшельническую рощу, тесть мой живет в обители, лишенный престола и зрения, — отвечала Савитрия. — Возврати ему зрение и да будет он, по благодати твоей, царем могучим, подобным лучезарному солнцу».

«Я даю тебе этот дар, о прекрасная, — сказал Иама, — да будет так, как ты сказала. Я вижу, что ты ослабела от пути — воротись и иди, чтобы ты не устала»... «Под твою власть смиряются люди, — продолжала Савитрия, — и смиряя, ты увлекаешь их против воли; потому-то ты и славен своею властью, о Боже! Пойми эти слова, мною произносимая: любовь ко всем тварям, выражаемая и делом, и мыслию, и словом; милость и щедрость — вот вечные законы мудрых. Так поступаю часто и я; люди же, сильные своим могуществом и мудрые, жалеют даже и о врагах своих».

«Слова, тобою произносимая, для меня то же, что вода для жаждущего, — сказал Иама. — Кроме жизни Сатьявана, избирай себе дар по желанию, о прекрасная!»... «Да будет у меня и у Сатьявана, для продолжения нашего рода, сто сыновей сильных и благородных, — ответила Савитрия. — Вот второй дар, мною избранный».

«У тебя будет сто сыновей, одаренных силою и могуществом, — сказал Иама, — и они сделают тебя счастливою, о благословенная! Вернись, чтобы ты не устала, о царевна! Ты зашла уже слишком далеко». «Мудрые вечно предаются добродетели, — ответила Савитрия, — они не слабеют и не страшатся. Не бесполезна бывает встреча между мудрыми: они не страшны друг для друга. С помощью истины они управляют солнцем; покаянием же поддерживают землю. В них путь прошедшаго и будущаго, о царь! Мудрые не гибнут посреди мудрых. Признавая вечным свое высокое состояние, они, действуя в пользу другаго, не ожидают награды. Не напрасна бывает их благодать к людям: ни действия, ни слова их не гибнут. Все это вечно у мудрых, и потому они всегда пребывают властвующими».

«Все, что ты говоришь, — сказал Иама, — согласно с добродетелью, приятно для ума и прекрасно величием самой мысли. Мое уважение к тебе беспредельно: избирай лучший из даров, о несравненная супруга!» «Ты не даруешь ничего без заслуги, так как и в прежних дарах своих, о благодетель! — отвечала Савитрия. — Да здравствует Сатьяван! Вот дар, который я избираю, потому что я без мужа как в могиле. Лишенная супруга, я не желаю счастья: не же-

лаю ни неба, ни наслаждения — без него не хочу и самой жизни. По щедроте твоей дано мне в дар сто сыновей, и чтобы мужу моему не было стыдно, я повторяю просьбу свою: да здравствует Сатьяван и да исполнятся слова твои!»

Услышав это, правосудный царь Иама, сын Вивасуана, выпустил сеть и, обрадованный, сказал Савитрии: «Муж твой свободен — будь счастлива, о радость семейства! Он будет здоров и крепок и успешен в делах своих, и достигнет с тобою до четырехсотлетнего возраста. И будет он славен в мире жертвами и доблестью. У него родится от тебя сто сыновей и будут они все царями и кшатриями, и увидят детей и внуков своих, и будут вечно славны и получают от тебя имя свое. У отца же и у матери твоей Малави будет также сто сынов доблестных и наделенных многочисленным потомством. Братья же твои будут кшатриями, подобными богам».

Таким образом, наделив ее дарами, блистательный царь правосудия, воротив Савитрию, отправился в свое жилище.

С санскритского. П. Петров.